

А. В. Юдин

ЕЩЕ РАЗ О ВОПРОСАХ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ С. Б. КРИХА

Являясь особым методом исследования истории наук, периодизация развития научных знаний всегда носит неоднозначный характер и вызывает дискуссии. К наиболее актуальным вопросам периодизации истории антиковедения можно отнести типологизацию его этапов, установление их хронологических рамок, выявление соотношения «эволюционного» и «скачкообразного», смену философско-методологических направлений.

Ключевые слова: антиковедение, история науки, историография, периодизация, типологизация.

*Nihil est quin male narrando
possit depravari*

Проблемы периодизации истории исторической науки всегда остаются актуальными, поскольку периодизация представляет собой один из методов исследования, в нашем случае – истории науки об античности. Понимая, что любая периодизация обладает некоторой степенью условности и является в определенной мере абстракцией, мы, тем не менее, признаем и право на ее существование, и необходимость ее разработки при проведении исследований по истории антиковедения. Необходимо сразу же отметить, что периодизация – это в первую очередь метод систематизации уже полученных наукой фактов; она сама по себе не является средством познания исторической действительности; поэтому исследователи вовсе не стремятся «подгонять факты» под какую-либо хронологическую схему, а лишь предлагают подходы к периодизации истории антиковедения, которые открыты для конструктивной критики и вполне могут подвергаться существенным корректировкам.

О типологизации этапов развития антиковедения. Ни в коей мере не претендуя на однозначность подходов к периодизации истории антиковедения и не отрицая необходимость дискуссий по поднятым в них и связанным с ними вопросам¹, мы, тем не менее, не отказываемся от це-

¹ См.: Юдин. 2009. С. 59-62; Юдин. 2009в. С. 355-373; Юдин. 2009а. С. 240-262; Юдин. 2010. С. 115-121.

лесообразности выделения нескольких типов этапов в развитии научных знаний об античности – «историографических эпох», периодов и «кризисов-интервалов», а равно и от критериев их определения и выделения (опять же, и здесь не может не быть необходимости в уточнениях и коррективах). Не отказываемся и от целесообразности разработки терминологии, связанной с периодизацией истории антиковедения, поскольку одна из основных задач науки состоит в «преодолении бесконечного разнообразия бытия путем переработки его в понятия»².

Термин «эпоха» применительно к большим этапам развития исторической науки нами употреблен отнюдь не впервые. Так, еще в 1852 г. вышла в свет книга Ф. Бауэра «Эпохи церковного историописания», в которой в качестве критерия выделения этих эпох выступают специфика исторического познания наиболее видных ученых, занимавшихся историческими исследованиями³. При этом «эпоха» названа термином *Hauptperiode*, что подчеркивает возможность выделения входящих в нее меньших периодов. Мы также предлагаем в качестве одного (но вовсе не единственного) из критериев выделения периодов истории антиковедения специфику исследовательских подходов больших групп ученых, занимавшихся античностью, и результативность их деятельности.

Предлагая выделение доклассической, классической и постклассической «историографических эпох», мы вполне сознательно сравнивали первую и третью эпоху со второй – классической, что, однако, не есть доказательство «несамостоятельности их названий». Во-первых, подобное наименование этапов является общепринятым, например, в истории римского права⁴, и никто из специалистов-правоведов не сделал упрека в «несамостоятельности» доклассического и постклассического периодов римского права. Кроме того, представляется невозможным, следуя логике С. Б. Криха, рассматривать их как одну эпоху. Действительно, можно назвать доклассическую и постклассическую эпохи в истории антиковедения иными терминами, но это будут фигуры речи, но не сущностные дефиниции, поскольку, если осуществляется выделение каких-либо периодов в чем-либо вообще, а не только в истории той или иной области исторической науки, то исследователь руководствуется некими едиными критериями, сопоставимыми друг с другом, а не разными критериями для выделения каждого отдельного временного промежутка. Во-вторых, в литературе, посвященной истории исторической

² Петрушевский. 1915. С. 1.

³ Ваур. 1852. S. V, 252.

⁴ Напр.: Франчози. 2004. С. 14-16; Гарсия Гаррида. 2005. С. 40.

науки, вовсе не единожды употреблялись эти термины по отношению к большим этапам ее развития. Например, Хорст Вальтер Бланке совершенно четко отделяет классический историзм (*der klassischen Historismus*) от постклассического (*der nachklassischen Historismus*), понимая под термином «историзм» не только исследовательский принцип, но и эпоху в истории науки⁵. Кроме того, эпоху в истории научных знаний именовали по названию исследовательского подхода или, в более широком смысле, мировоззренческого подхода, уже, по крайней мере, за полтора столетия до нашего времени. Так, еще В. И. Герье, как и его современники, считал вполне возможным употреблять термин «эпоха рационализма» и иные подобные термины⁶. В своих лекциях по истории исторической науки, ориентированных, подчеркиваем, на студенческую аудиторию, Герье четко выделял эпохи развития научных знаний о прошлом, принимая за основу подход к их изучению и интерпретации⁷.

О соотношении «эволюционного» и «скачкообразного» в развитии антиковедения. Выделяя «кризисы-интервалы», отделяющие периоды в истории антиковедения, мы подчеркиваем, что развитие дисциплины носило не только эволюционный, но и скачкообразный характер, что будет предложено на обсуждение в наших дальнейших исследованиях. Излишне обсуждать, что любой кризис противоположен эволюции. Таким образом, представляется затруднительным в полной мере принять

⁵ *Blanke. S. 354-355.* Правда, время, предшествующее «классическому историзму», Бланке называет термином “*Aufklärungshistorie*“, поскольку, согласно его точке зрения, основанной на взглядах многих ученых, появление историзма происходит только в начале XIX в. и связано с Нибуром и Ранке. Такой подход, в частности, сформулирован Ульрихом Мулаком, считающим историческое знание гуманистов и просветителей «предысторией» историзма (*Muhlack. 1991. S. 7*). Мы же, предлагая более широкое понимание термина «историзм», считаем возможным выделять его донанучные формы, в том числе и «доклассический» историзм, которому соответствует доклассическая эпоха в истории антиковедения. Разные типы историзма можно выделять не только по их отношению к историзму XIX в., называемому классическим. Так, например, Франческо Бранкато выделяет «консервативно-романтический историзм», ярким представителем которого он считает Эдмунда Бёрка, «диалектический историзм», основателем которого он называет Гегеля, «социальный историзм», основоположником которого он считает Сен-Симона. (*Brancato. 1969. P. 31, 57, 117*).

⁶ *Герье. Обзор историографии и археологии... ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 4. Л.д. 147.*

⁷ *Герье. Пропилеи римской истории. ОР РГБ. Ф. 70. К. 2. Ед. хр. 3. Л.д. 2, 2об.* Так, говоря о донанучном изучении истории, Герье выделяет «первую эпоху – время изучения со стороны языка, слова, художественных форм...» (начиная с античных авторов), «вторую эпоху – эпоху комментаторов» (начиная с Л. Валлы и К. Сигония) и «третью эпоху – эпоху монографических исследований» (начиная со Скалигера).

замечание относительно «эволюционизма» предлагаемого нами подхода к периодизации истории антиковедения. Также вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что в эволюционизме преемственность важнее своеобразия (тем более что мы не рассматриваем предложенный нами подход к периодизации антиковедения как сугубо эволюционный).

О конкретности термина «историзм». Выделяя эпохи в истории антиковедения, мы дали вполне конкретное его определение (хотя, подчеркиваем, что оно не является всеобъемлющим), необходимое для выявления названных эпох, и потому не имеем никакого намерения «уводить мысли вдаль от конкретики», избегая в то же время приведения в качестве примеров множества частных (ведь именно излишние частности могут «увести вдаль от конкретики» в вопросах периодизации истории науки об античности).

О датировке хронологических рамок отдельных этапов истории антиковедения. Уже было отмечено, что, на наш взгляд, представляется некорректным встречающееся в ряде учебников и исследований отделение одного периода развития науки от другой каким-либо научным открытием (добавим здесь: а также публикацией труда, отличающегося новыми идеями и подходами к изучению древности), поскольку оно не меняет тотчас концептуальных подходов ученых-современников к осмыслению прошлого⁸. Поэтому приводимые нами даты публикации тех или иных трудов не рассматриваются как четкие границы между этапами истории антиковедения, но являются некими «реперными точками», или яркими фактами, феноменами, представляющими собой факты, доказывающие смену одних этапов другими. Не выделяя их, мы не сможем установить отличия между этапами истории изучения античности и соответственно отделить одни из них от других. Приводимые же нами в 26-м номере «Диалога со временем» хронологические таблицы лишь упорядочивают фактологический материал, рекомендованный к лекциям для преподавателей, читающих историографический курс в условиях ограниченного количества академических часов, а точные годы начала и конца отдельных этапов истории антиковедения указаны для удобства структурирования лекционного материала и восприятия его студентами. Хотя надо согласиться, что это – некая условность, отчасти упрощающая более сложную реальность (перегружать же студентов научными спорами вряд ли целесообразно). Разумеется, необходимо оговаривать и даже подчеркивать, что грани между этапами истории антиковедения не

⁸ Там же. С. 242.

ограничиваются одним лишь годом – границы между ними вряд ли можно с подобной четкостью дифференцировать. Думается, что при проведении дальнейших исследований по истории антиковедения нам следует избегать выделения этапов его истории с точностью до года. Отчасти это уже реализовано в нашей статье в 28-м номере «Диалога со временем», где начальный и конечный рубежи «историографических эпох» датируются несколькими годами.

Периодизация, помимо теоретических аспектов, имеет еще одну важную, практическую составляющую – структурирование лекционных курсов по истории исторической науки для студентов и аспирантов, а также и для самого исследователя той или иной конкретной проблемы истории античности или истории науки об античности. Особенно актуальным представляется использование периодизации при преподавании историографических курсов в вузах. Студентов крайне нецелесообразно перегружать излишним набором фактов ввиду ряда причин, прежде всего – ввиду малого бюджета времени, отводимого на изучение историографии истории античности, и ввиду того, что далеко не все студенты пишут выпускные квалификационные работы по антиковедческим проблемам; и это практикующему преподавателю необходимо понимать.

О гегельянстве и антиковедении XIX в. Поскольку любой ученый позапрошлого столетия, занимавшийся античностью, имел университетское образование (за редчайшими исключениями, касавшимися выпускников религиозных учебных заведений, среди которых, впрочем, крайне трудно найти видного специалиста в области античной истории), он должен был изучать работы Гегеля, по крайней мере, занимаясь философией и правом. Поэтому практически никто из историков того времени не мог не быть в той или иной степени под влиянием гегельянства и не был полностью свободен от его рецепции в той или иной степени. И вряд ли можно утверждать, как полагает С. Б. Крих, что многие исследователи античности не были подробно знакомы с теорией Гегеля; обучаясь в университетах и получив университетский диплом (причем нередко философского или юридического факультета), подчеркнем это еще раз, не быть знакомым с философией Гегеля, по крайней мере с 1830-х гг., было практически невозможно. Поэтому представляется затруднительным присоединиться к мнению С. Б. Криха о том, что значительная часть исследователей античного общества XIX в. «вовсе не была подробно знакома» с теорией Гегеля. Возникает вопрос: что означает «подробное знакомство» в этом случае? И какова должна быть, по мнению С. Б. Криха, мера такой подробности?

О специфике национальных историографий. Следует подчеркнуть, что у нас не было никакого намерения нивелировать специфику национальных антиковедческих историографий, и мы не останавливались на рассмотрении специфики национальных историографий только ввиду ограниченного объема текста, отводимого на рецензируемые публикации. Разумеется, на любом этапе истории антиковедения каждая национальная историография обладала своими уникальными характеристиками, которые никто из специалистов в сфере античной истории и в области истории исторической науки не отрицает. Вместе с тем, мы не считаем возможным напрямую увязывать какой-либо этап в истории антиковедения с господством в области исторического знания ученых какой-либо определенной страны или исторической и философской «школы» в течение того или иного промежутка времени. Отметим, что подобный подход, выделяющий периоды истории науки в зависимости от преобладающего влияния ученых той или иной страны на данную науку, принят некоторыми исследователями в отношении классической филологии и фактически касается истории литературы⁹.

О соотношении понятий «специфика», «сущность», «своеобразие». С. Б. Крих в своей рецензии противопоставляет «невнятное», по его мнению, слово «специфика» понятиям «своеобразие» и «особая сущность», хотя и не конкретизирует предложенное им противопоставление. Если обратиться к языковым словарям, то там мы найдем частичное совпадение значений этих терминов (напр., нем. *Besonderheit*, *Eigenart*, которые на русский язык переводятся и как «специфика», и как «особенность»). Если обратиться к философским словарям, то в них мы найдем разные точки зрения на соотношение перечисленных понятий в зависимости от философско-методологической основы мировоззрения их авторов. Поэтому, чтобы избежать двусмысленностей, необходимо в историографических исследованиях четко обозначать, что, по мнению исследователя, входит в значение слов «сущность», «особенность», «специфика» и т.д. *именно в контексте данного исследования.*

Об отборе фактологического материала для лекционных курсов по истории антиковедения. Не вызывает сомнения принцип авторского подхода к чтению лекций вузовскими преподавателями; главное для лектора – соответствие отобранного им материала, с которым он знако-

⁹ См.: Мищенко. 1893. С. 16-17, 19, 23-26, 33-35, 44; *Нагуевский*. 1884. С. 14-15, 17-18, 20, 24; *Gudeman*. 1909. S. 167-168. (Вместе с тем, Альфред Гудеман отмечает, что для выделения эпох развития классической филологии не достаточно применять только географические критерии. – *Gudeman*. Op. cit. S. 168.)

мит аудитории, требованиям государственного образовательного стандарта. К счастью, в стандарте не названа ни одна персоналия, и потому выбор фигур антиковедов вместе с их концепциями и монографиями остается целиком за преподавателем. Нам представляется вполне корректным осветить на лекциях и основные положения труда Бахофена «Материнское право», поскольку он оказал весьма заметное влияние на Маркса и Энгельса, и взгляды Маркса и Энгельса на античность, потому что они оказали решающее влияние на советских антиковедов и на многих исследователей послевоенной Италии, а также заметное (хотя и не решающее) влияние на ученых других стран, в том числе в известной мере и на М. Финли. Приведение в качестве необходимых для лекционного материала историографических фактов, которыми являются публикации трудов ученых в тот или иной год, нам также представляется целесообразным, хотя мы далеки от приписываемого нам С. Б. Крихом стремления «сводить многолетний труд какого-либо ученого к одной-единственной монографии». Отметим, что в большей мере именно по монографиям составляется у современников и у читателей последующих поколений представление о научном портрете ученого. Вместе с тем, мы признаем некоторые неточности в проведенном нами отборе историографических фактов, в т.ч. и изданий работ М. И. Ростовцева, и прокравшиеся досадные опечатки. Но что касается Ш. Л. Монтескье, то мы считаем целесообразным не игнорировать первое издание «Размышлений о причинах величия и падения римлян» 1734 г., и не можем с полной уверенностью утверждать, что «в исторической науке *все* пользуются вторым исправленным изданием» этого труда 1748 г.

Относительно фигуры Генриха Шлимана и особого, можно сказать, непрофессионального, характера совершенных им раскопок, в результате которых Троя конца II тыс. до н.э. была фактически скрыта, мы употребили слово «открытие», поскольку эти раскопки, пусть даже непрофессиональные, все-таки стали научной сенсацией и предшествовали появлению профессиональных раскопок Артура Эванса и становлению микенологии. Однако согласимся, что термин «открытие» применительно к раскопкам Шлимана следует употреблять с известными оговорками.

«О тенденциях в современной отечественной историографии», на наш взгляд, делать хотя бы некоторые обобщающие суждения и тем более выводы можно только на основе анализа мнений, по крайней мере, нескольких исследователей, занимающихся изучением той или иной проблемы (в нашем случае периодизации истории антиковедения). Кроме того, подобные выводы могут носить только предварительный

характер, поскольку для того, чтобы оценить любой этап в истории науки, необходимо пережить его и перестать быть современником описываемых событий. Поэтому делать выводы «об определенном состоянии умов и о перспективах гуманитарного знания в нашей стране» только на основе трех наших статей вряд ли возможно. Также вряд ли возможно принять упрек в стремлении к «метанарративу», поскольку большинство лекционных курсов по профильным дисциплинам учебного плана программ бакалавриата и магистратуры, и пока еще действующих специальностей «История», предусматривают рассмотрение исторических процессов и фактов в довольно широких хронологических рамках. Преподавателю необходимо иметь в виду, что государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования в частях, касающихся дисциплин по истории исторической науки, предусматривают необходимость освещения *процессов и основных этапов* возникновения и развития исторических знаний, превращения их в науку, что возможно рассмотреть на лекциях и на практических занятиях только определив значительные хронологические рамки читаемого курса.

Также хотелось бы отметить, что разного рода риторические характеристики и ярлыки по отношению к автору настоящей статьи со стороны уважаемого рецензента представляются неуместными (по крайней мере, на страницах научного издания), поскольку ожидается критика *по существу вопроса*, а не формулировка характеристик с позиций предубежденности. Кроме того, нам интересно было бы уяснить, что понимает С. Б. Крих под словами «обертон высказывания мысли», «понимание нерва истории», «страшилки поздней советской историографии», «ритуальные цели» (о ссылках на работы И. М. Савельевой). Удивляет и стремление С. Б. Криха к применению в историографических исследованиях «корректно согласованных подходов». С кем же их следует согласовывать? Или это призыв к самоцензуре? Тон рецензента оставим без комментариев¹⁰.

Отметим также, что прослеживаемое в рецензии негативное отношение к марксизму воспринимается как проявление личного негативного опыта и отношения С. Б. Криха к этой методологии. Однако, несмот-

¹⁰ Как не вспомнить слова министра народного просвещения А. С. Шишкова, сказанные еще в 1824 г.: «...не отнимая отнюдь свободы критических сочинений, основанных на беспристрастных суждениях, ...я почитаю за должное.., чтобы ...статьи заключались в пределах благопристойной критики, отнюдь не похожие на так называемые пасквили, содержащие в себе... порывы колкие и не принадлежащие к делу выражения...» (ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2412. Л.д. 1-1об.).

ря на все «перегибы» в советской исторической науке, касавшиеся абсолютизации и догматизации марксизма в целом и его отдельных положений, нам представляется, что при известной модернизации марксизм вовсе не исчерпал своих возможностей познания истории, тем более, что многие наши современники не отказываются от применения в той или иной степени марксистской философии истории. При этом остается непонятным суждение С. Б. Криха о том, что в наших исследованиях есть «прежняя система мысли». Что имел в виду критик – отсутствие (к его, очевидно, сожалению) полного отказа от методов и подходов марксистской исторической науки или что-либо другое? Также неясно, что такое «новая система мысли». Ответ на вопрос о том, какой марксизм предшествовал «умеренному» марксизму, становление которого в СССР пришлось на вторую половину 1950-х – первую половину 1960-х гг., представляется очевидным – «догматический» «идеологизированный», «ортодоксальный»¹¹.

Таким образом, рассматриваемый нами вопрос о периодизации истории антиковедения демонстрирует свою актуальность появлением критической рецензии, что отраднo. Вместе с тем, мы ожидаем новых суждений и подходов к исследованию истории антиковедения, одним из достоинств которых была бы корректная полемика с предложенными их авторами концепциями по поставленным нами вопросам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гарсия Гаррида М. Х.* Римское частное право: Казусы, иски, институты / Пер. с исп.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005.
- Герье В. И.* Обзор историографии и археологии. Лекции по римской истории заслуженного ординарного профессора В. И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895–96 ак. году – ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 4.
- Герье В. И.* Прописи римской истории – ОР РГБ. Ф. 70. К. 2. Ед. хр. 3.
- Историография истории Древнего Востока. Иран. Средняя Азия. Индия. Китай / Под ред. В. И. Кузищина. М., 2002.
- Мищенко Ф. Г.* Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения. Казань, 1893.
- Нагевский Д. И.* О главнейших эпохах в развитии древнеклассической филологии. Казань: Типография М. А. Гладышевой, 1884.

¹¹ Примеров мнений ученых на сей счет можно привести достаточно. Сошлемся лишь на некоторые из них: *Фролов*. 1999. С. 401, 404, 406 (по отношению к антиковедению, переставшему, по мнению Э. Д. Фролова, быть самостоятельной научной дисциплиной в 1930-е гг., употреблен термин «филиал марксистской политэкономии», «полигон для марксистских политэкономических упражнений»); *Семенов*. 2003. С. 136, 139, 143; *Историография истории Древнего Востока...* 2002. С. 12.

- Петрушевский Д. М.* К вопросу о логическом стиле в исторической науке. Пг., 1915.
- Семенов Ю. И.* Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003.
- Франчози Дж.* Институционный курс римского права / Пер. с ит.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2004.
- Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999.
- Юдин А. В.* «Историографические эпохи» в истории изучения античности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 28. М.: КРАСАНД, 2009а. С. 240-262.
- Юдин А. В.* Кризисы в исторической науке об античности (XVII – начало XX вв.) // Наука и школа. М., 2009б. № 4. С. 59-62.
- Юдин А. В.* О преподавании историографии истории античности на исторических факультетах вузов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 26. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009в. С. 355-373.
- Юдин А. В.* Развитие антиковедения в начале XX века: конец классической или начало современной науки о Древней Греции и Древнем Риме? // Наука и школа. М., 2010. № 1. С. 115-121.
- Baur F. Ch.* Die Epochen der Kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen: Druck und Verlag von Ludwig Friederich Fues, 1852.
- Blanke H. W.* Historiographiegeschichte als Historik. Stuttgart: Bad Cannstatt, 1991.
- Brancato F.* Storia e storiografia nell'età del Romanticismo. Palermo, 1969.
- Gudeman A.* Grundriss der Geschichte der Klassischen Philologie. Leipzig und Berlin: Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1909.
- Muhlack U.* Geschichtswissenschaft im Humanismus und in der Aufklärung. Der Vorge-schichte des Historismus. München: Verlag C. H. Beck, 1991.

Юдин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета; alexjudin@bk.ru.